

Бертольд Брехт

ПЛАЩ ЕРЕТИКА

Перевод с немецкого Э. Львовой

Джордано Бруно, уроженец Нолы, которого римская инквизиция приговорила в 1600 году к сожжению на костре как еретика, всеми почитается великим человеком не только за его смелые гипотезы о движении небесных светил, гипотезы, справедливость которых впоследствии подтвердилась, но и за мужество, проявленное им перед судом инквизиции, где он сказал: «Вы с большим страхом произносите мне приговор, чем я его выслушиваю». И вправду, когда читаешь его книги или узнаешь о его выступлениях на ученых диспутах, не найдешь ничего, что противоречило бы его славе; и все же сохранилось одно предание, которое заставило нас проникнуться еще большим уважением к великому Бруно.

Это предание о его плаще.

Расскажем, как Бруно попал в руки инквизиции.

Один венецианский патриций, по прозвищу Мочениго, пригласил ученого к себе в дом, чтобы тот обучал его физике и искусству укрепления памяти. Несколько месяцев предоставлял он ему кров и пищу, получая взамен, как было условлено, уроки по указанным отраслям знания; но вместо наставлений в черной магии, на которые Мочениго рассчитывал, Бруно обучал его одной только физике. Мочениго был этим весьма недоволен, так как в подобных занятиях не видел проку, и скорбел о расходах, понесенных им из-за гостя.

Много раз он увещевал Джордано, требуя, чтобы он поделился с ним, наконец, теми знаниями, тайными и прибыльными, какими не может не обладать человек, столь повсеместно прославленный.

Когда же и это не помогло, он донес на Бруно инквизиции. Мочениго написал, что этот недостойный и неблагодарный человек в его присутствии дурно отзывался о Христе, называл монахов ослами, говорил, что они дурачат народ, и, вступая в противоречие с библией, утверждал, что существует-де не одно солнце, а бесчисленное множество солнц, и так далее и так далее. А посему он, Мочениго, запер этого человека у себя на чердаке и просит как можно скорее прислать за ним служителей и взять его под стражу. И действительно, служители пришли в ночь с воскресенья на понедельник и отвели ученого в тюрьму инквизиции.

Случилось это в понедельник 25 мая 1592 года в три часа утра, и с того дня вплоть до 17 февраля 1600 года, когда он взошел на костер, ноланец* уже не выходил из тюрем.

За те восемь лет, что длился этот ужасный процесс, Джордано Бруно не переставал мужественно бороться за свою жизнь; но та борьба, ко-

* Так называли Джордано Бруно по месту его рождения.

торую он повел с Венецией в первый же год процесса против своей выдачи Риму, была наиболее отчаянной.

В это время и произошла история с его плащом. Зимой 1592 года — тогда еще Бруно жил в одной из гостиниц — ученый сшил себе теплый плащ у портного по имени Габриэль Цунто. Когда Бруно арестовали, он не успел еще с ним расплатиться.

При известии об аресте портной бросился со своим счетом к дому господина Мочениго в приходе св. Самуила. Но было уже слишком поздно. Один из слуг Мочениго указал ему на дверь.

— Мы достаточно потратились на этого обманщика, — орал он, стоя на пороге дома, так громко, что некоторые прохожие начали оборачиваться. — Пойдите в трибунал святого судилища и скажите там, что у вас были дела с этим еретиком.

Портной стоял ошеломленный, толпа уличных мальчишек слышала эти крики, и один из них, оборванный и покрытый болячками, бросил в портного камень. И хотя вышедшая из лачуги бедно одетая женщина дала мальчишке пощечину, старый Цунто ясно почувствовал, как опасно быть человеком, имевшим дела с этим еретиком. Пугливо оборачиваясь, он свернул за угол и побежал закоулками к своей хижине.

Жене он ничего не рассказал о своей неудаче, и она целую неделю удивлялась его подавленному настроению. Но первого июня, при переписывании счетов, она обнаружила, что один плащ не оплачен человеком, чье имя было у всех на устах, ибо волавец стал притчей во языцех. Повсюду распространялись ужасные слухи о его гнусных деяниях. Он-де в книгах и речах не только порочит таинство брака, он-де и господя нашего Христа называет шарлатаном и невесть что говорит о солнце. Неудивительно, что такой человек не заплатил за плащ портному. Достойная супруга никак не хотела примириться с таким убытком.

Сильно повздорив с мужем, семидесятилетняя старуха надела праздничное платье и отправилась в трибунал святого судилища, где сердито потребовала 32 скудо, которые ей задолжал взятый под стражу еретик. Чиновник, с которым она говорила, записал ее жалобу и обещал в ней разобраться.

Вскороги Цунто был вызван в судилище и, дрожа и спотыкаясь, переступил порог ужасного здания. К его изумлению, допрашивать его не стали, а лишь уведомили, что при урегулировании денежных дел узника будет учтено и его требование. При этом чиновник дал ему, однако, понять, что вряд ли много придется на его долю.

Старик был рад избегнуть худшего и только подобострастно благодарил. Но жена его на том не успокоилась. Такой убыток ее муж не покроет, если даже откажется от вечернего стакана вина и будет работать до глубокой ночи. Они были в долгу у торговца сукном, а он ждать не будет. Старуха кричала и в кухне, и на дворе, что это срам сажать в тюрьму преступника прежде, чем он расплатится с долгами. Будет нужно, она дойдет до самого римского папы, а своих 32 скудо не упустит. «На костре, — кричала она, — ему плаща не понадобится».

Она рассказала о том, что с ними случилось, своему исповеднику. Исповедник посоветовал ей потребовать, чтобы им хоть плащ-то возвратили. Убедившись в том, что церковь признает ее правоту, она плащом довольствоваться не хотела: он, поди, уже был надеван, да и по мерке сшит; пусть уплатят ей деньгами. Настаивая на этом, она так раскричалась, что патер выставил ее за дверь. Это немного вразумило старуху. Несколько недель она вела себя спокойно. Из здания инквизиции никаких слухов о деле арестованного еретика больше не поступало. Однако шепотом все говорили, что при допросах открылись ужасающие преступления. Старуха жадно прислушивалась к этим сплетням. Для нее было

пыткой слышать, что дела еретика безнадежны. Никогда не выйти ему на свободу, никогда не расплатиться со своими долгами. Она потеряла сон, а в августе, когда жара окончательно доконала ее нервы, стала с неиссякающим красноречием изливать свои горести и в лавках, где делала покупки, и на примерке заказчикам. Старуха намекала, что святые отцы совершают грех, столь равнодушно взирая на справедливые требования мелких ремесленников. И это при нынешних-то налогах и когда хлеб опять подорожал!

Как-то утром один чиновник отвел ее в здание святой инквизиции, где ей настоятельно посоветовали прекратить зловредную болтовню. Ее спросили, не стыдно ли ей из-за нескольких скудо болтать о столь важном судебном процессе. Вместе с тем ей дали понять, что у инквизиции найдутся средства призвать к порядку таких смутьянов, как она.

На малый срок предостережение подействовало, хотя при одной мысли о «нескольких скудо», которыми ее попрекнул этот раскормленный монах, вся кровь бросалась ей в голову. Но вот в сентябре стало известно, что Великий инквизитор в Риме требует выдачи ноланца и что Синьория приступила к рассмотрению этого вопроса.

Горожане оживленно обсуждали дело о выдаче, и почти все были против этой меры. Цехи не хотели и слышать о подсудности венецианцев римской юстиции.

Старуха негодовала. Неужто еретика отошлют в Рим прежде, чем он уплатит свои долги? Только этого еще не хватало! Едва услышав эту ужасную весть, она помчалась в святое судилище, даже не переодевшись.

На этот раз она была принята более важным чиновником, и он, как ни странно, оказался предупредительнее всех тех, кто говорил с ней раньше. Он был почти так же стар, как она, и выслушал ее жалобы внимательно и спокойно. Когда она кончила, он, помолчав, спросил ее, не хочет ли она поговорить с Бруно. Она тотчас же согласилась. Свидание было назначено на следующий день.

Назавтра в тесной каморке с зарешеченными окнами ее встретил маленький худой человек с редкой темной бородкой и вежливо спросил, что ей угодно.

Она видела его раньше, на примерках, и все это время помнила его лицо, но сейчас не сразу его узнала. Волнения, связанные с допросами, видимо, изменили его.

Она сказала отрывисто:

— Плащ. Вы за него не заплатили.

Несколько секунд он смотрел на нее с удивлением. Потом все вспомнил и спросил тихим голосом: — Сколько я вам должен?

— 32 скудо, — сказала она, — ведь вы получили счет.

Он повернулся к высокому толстому чиновнику, присутствовавшему при свидании, и спросил, известно ли ему, сколько денег вместе с его имуществом сдано в святое судилище. Тот ничего не знал, но обещал это выяснить.

— Как поживает ваш муж? — спросил заключенный, снова обернувшись к старухе, давая понять, что теперь, когда дело уладилось, вступают в силу нормальные отношения хозяина с гостьей.

И смущенная приветливостью этого тщедушного человека, старуха пробормотала, что с мужем все в порядке, и даже добавила что-то о его ревматизме.

Считая, что приличия требуют дать чиновнику нужное время для выяснения обстоятельств, она отправилась в здание святого судилища лишь два дня спустя.

Ей разрешили поговорить с ним вторично. Она прождала Бруно

в той же маленькой комнатке с зарешеченными окнами более часу; он был на допросе.

Наконец он пришел, но казался очень измученным. Так как в комнате не было стула, он слегка прислонился к стене. Тем не менее он тотчас же заговорил о деле.

Он сказал ей слабым голосом, что, к сожалению, плаща оплатить не может. Среди его имущества денег не оказалось. Но, подумав, он вспомнил, что с одного человека, который издавал его книги в городе Франкфурте, ему еще следуют деньги. Он ему напишет, если получит на то разрешение. Завтра он попросит об этом. Сегодня же во время допроса ему показалось, что настроение складывается не в его пользу. Поэтому он не хотел о чем-либо просить, чтобы не встретить отказа.

Пока он говорил, старуха смотрела на него острым, пронизывающим взглядом. Она отлично знала уловки и отговорки неаккуратных должников. Они плюют на обязательства, а стоит их прижать к стене, притворяются, что готовы перевернуть небо и землю.

— Зачем же вы заказывали плащ, раз не можете за него заплатить? — спросила она жестко.

Заключенный кивнул головой в знак того, что понял ее мысль. Он ответил:

— Я всегда зарабатывал писанием книг и уроками. Я думал, что буду и впредь зарабатывать. А плащ был мне нужен, я ведь думал, что буду жить на свободе.

Он сказал это без капли горечи, видимо, только для того, чтобы дать ей разъяснение.

Старуха смерила его с ног до головы разгневанным взглядом, но что-то удержало ее от новых выпадов. Не говоря ни слова, она повернулась и быстро ушла из комнаты.

— Кто пошлет деньги человеку, попавшему в руки инквизиции? — сердито сказала она мужу, когда они улеглись в постель.

Цунто теперь уже не страшился духовных властей, но продолжал порицать жену за упорные попытки вернуть эти деньги. — У него сейчас другие заботы, — пробормотал он. Она ничего не ответила.

Следующие месяцы не внесли чего-либо нового в это злосчастное дело. В начале января стало известно, что Синьория склоняется к тому, чтобы удовлетворить желание папы и выдать еретика. Тут семья Цунто получила новое приглашение в здание святого судилища.

Так как в извещении не был указан час явки, старуха Цунто пошла туда после обеда, как оказалось, некстати. Заклученный ожидал посещения прокуратора республики, которому Синьория поручила составить заключение по вопросу о его выдаче Риму. Ее принял тот самый важный чиновник, который разрешил ей первое свидание с ноланцем. Старик сказал, что заключенный изъявил желание еще раз поговорить с ней. Но пусть она подумает, удачно ли выбрано время для свидания: заключенному сейчас предстоит беседа в высшей степени важная.

Она коротко ответила, что об этом нужно спросить его самого.

Один из чиновников ушел и вернулся с заключенным. Разговор состоялся в присутствии важного чиновника. Прежде чем ноланец, улыбнувшийся ей еще в дверях, успел что-либо сказать, старуха воскликнула:

— Если вы хотели жить на свободе, зачем же вы себя так вели?

Одно мгновение маленький человек казался озадаченным. За эти три месяца он отвечал на такое множество вопросов, что конец его последнего разговора с женой портного в его памяти не удержался.

— Я не получил денег, — сказал он наконец. — Дважды писал я об этом, но денег не получил. Я думал, не возьмете ли вы обратно плащ.

— Я знала, что этим кончится, — сказала она презрительно. — А он сделан по вашей мерке и будет слишком мал для других.

Ноланец посмотрел на старуху взглядом замученного человека.

— Об этом я не подумал, — сказал он и повернулся к монаху.

— Нельзя ли продать все мое имущество и отдать деньги этим людям?

— Это невозможно, — вмешался в разговор чиновник, который его привел, высокий толстяк. — На него притязает господин Мочениго. Вы долго жили на его средства.

— Он пригласил меня, — ответил ноланец усталым голосом.

Старик поднял руку.

— Это не относится к делу. Я думаю, что нужно вернуть плащ.

— А что мы будем с ним делать? — упрямо сказала старуха.

Лицо старика слегка покраснело. Он медленно сказал:

— Милая женщина, немного христианской снисходительности вам, право бы, не помешало. Обвиняемому предстоит разговор, в котором решается вопрос о его жизни или смерти. Едва ли вы можете требовать, чтобы он особенно интересовался вашим плащом.

Старуха неуверенно посмотрела на него. Она вдруг вспомнила, где находится. Она уже подумала, не лучше ли ей уйти, как вдруг услышала сзади тихий голос заключенного:

— Я полагаю, что она может этого требовать. — И когда она обернулась к нему, прибавил: — Вы должны меня извинить за все, что случилось. Не думайте, что мне безразличен ваш убыток. Я заявил об этом в ходе процесса.

Высокий толстяк по знаку старика покинул комнату. Он вскоре вернулся, развел руками и сказал: — Плащ вообще не был нам доставлен. Мочениго, должно быть, задержал его.

Было заметно, что ноланец испугался. Затем он сказал решительно:

— Это несправедливо. Я подам на него жалобу.

Старик покачал головой.

— Подумайте лучше о разговоре, который вам предстоит вести всего через несколько минут. Я не могу больше допустить, чтобы здесь препирались из-за ничтожных грошей.

Кровь бросилась старухе в голову.

Пока говорил ноланец, она молчала и, шевеля губами, смотрела в угол комнаты. Но теперь она снова потеряла терпение.

— Из-за ничтожных грошей! — закричала она. — Это наш месячный заработок. Легко вам быть снисходительным. У вас, конечно, не бывает убытков.

В этот момент в дверях показался монах высокого роста.

— Прокуратор приехал, — сказал он вполголоса.

Толстяк притронулся к рукаву ноланца и вывел его из комнаты.

Переступив порог, заключенный еще раз поглядел через узкое плечо на женщину; его худое лицо было очень бледным.

Старуха растерянно спустилась по каменной лестнице. Она не знала, что и думать. В конце концов этот человек сделал все, что мог.

Она не вошла в мастерскую, когда спустя неделю рослый толстяк принес плащ еретика. Но она стояла у дверей и слышала, как этот монах сказал: — Он действительно все последнее время беспокоился о плаще. Дважды между допросами и переговорами с городскими властями он настаивал в этой связи на встрече с нунцием. Что ж, он добился своего. Мочениго пришлось отдать плащ. Впрочем, он мог бы ему сейчас и самому пригодиться: вопрос о его выдаче решен, он будет отправлен в Рим еще на этой неделе.

Монах был прав. Стоял конец января.